

УДК 398.224 (=1.571–81)
DOI 10.17223/18137083/67/2

Е. Н. Кузьмина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири

Впервые сделана попытка рассмотреть отражение архетипических моделей в произведениях героического эпоса народов Сибири, сохранявшегося у них до последнего времени. Эпическая традиция была устойчивой и стабильной во времени благодаря ее сакральности. В сюжетостроении сказаний большую роль играют типические или «общие» места, в которых отразились народные представления и черты многих эпох, прослеживающиеся в описаниях рождения богатырей, этикете, пиршестве, богатырских поединках и во многих других стереотипах эпоса.

Ключевые слова: героические сказания народов Сибири, стабильность эпической традиции, стереотипы эпоса, архетипические модели и представления.

Героические сказания народов Сибири относятся к устной повествовательной традиции. Они являются вершиной художественного народного слова, составляя отдельный пласт духовной жизни этносов. Возникновение эпоса и формирование поэтических закономерностей уходит в далекую древность и связано с определенными историческими условиями жизни этноса. Народы подошли к современности, находясь на различных ступенях своего исторического пути. Поэтому, видя связь эпоса с историей народа, исследователи XIX в. делили народы на «исторические» и «неисторические», что не являлось, по замечанию В. М. Гацака, сделанному вслед за Ю. Бромлеем, «строго научным» [Из лекций А. Н. Веселовского..., 1975, с. 298].

В статье сделана попытка рассмотреть некоторые архетипические модели, прослеживаемые в произведениях героического эпоса народов Сибири. Эпическая традиция относится к наиболее консервативному и стабильному во времени фольклорному явлению, отразившему в своем содержании устойчивые древние образы и представления. В сложении сказаний большое функциональное значение имеют «общие места» («loci communes»), которые в свою очередь построены на формульных выражениях.

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, заведующая сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; kuzmina.evgenia2010@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© Е. Н. Кузьмина, 2019

В отечественном эпосоведении давно утвердилось мнение о стадийном развитии эпоса, согласно которому, например, бурятские сказания и русские былины относятся к разным стадиям эпосотворчества, представляя собой догосударственный и государственный эпос.

Героический эпос народов Сибири, сохранившийся вплоть до XXI в. у алтайцев, якутов, частично у шорцев и хакасов и угасший к середине XX столетия у бурят и тувинцев, отличался большим объемом и исполнялся часами или даже несколькими ночами подряд. Говоря о феномене сказительства, нужно иметь в виду, что оно протекало в условиях и в рамках коллективного творчества, в традициях устного исполнения фольклорных произведений. Устное исполнительство во многом ситуативно, зависит от разных факторов: настроение самого сказителя, наличие заинтересованной и включенной в процесс сказывания аудитории или отсутствие этой аудитории (когда идет специальная запись). А. Лорд отмечал, что момент создания произведения у устного поэта совпадает с исполнением, что «устное произведение не создается для исполнения, оно создается в процессе исполнения» (курсив автора. – Е. К.) [Лорд, 2018, с. 71]. Вдохновение сказителя побуждает его к импровизации, поэтическому настрою. Это очень важно, когда речь идет о больших монументальных произведениях, сказывание которых обычно было продолжительным по времени.

Акт сказывания интересен во многих аспектах. Его можно осмысливать в психологическом плане как особое состояние, экстаз, в культурологическом – как создание художественного продукта, в философском понимании – как феномен творчества. Н. А. Бердяев писал: «Человек не только призван к творчеству как действию в мире и на мир, но он сам есть творчество и без творчества не имеет лица» [Бердяев, 2003, с. 506]. В этом отношении фигура сибирского сказителя являет собой уникальное явление, обращенное к сложнейшему и в высшей степени художественному продукту духовной деятельности народа – героическому эпосу. Создавая и исполняя сказания, посвященные героическим поступкам и подвигам эпических персонажей, изложению их биографии, сказители оперировали сложившимся арсеналом поэтико-стилевых средств, ибо, как пишет А. Лорд, «устный поэт должен петь, не останавливаясь. Его творчество, по самой своей природе, предполагает быстрое сложение песни» и тут «на помощь приходит традиция», которая на протяжении длительного времени бытования эпоса выработала различные устойчивые обороты [Лорд, 2018, с. 84]. Это и есть формулы, которые М. Пэрри определил как «группу слов, регулярно встречающуюся в одних и тех же метрических условиях и служащую для выражения того или иного основного смысла» [Там же, с. 58].

Милмэн Пэрри, а затем его ученик и последователь Альберт Лорд обратили внимание на исполнительское искусство южнославянских сказителей, на механизм передачи ими эпических знаний и особенности живой устной фольклорной традиции. Начиная с лета 1933 г., а затем с июня 1934 по сентябрь 1935 г., т. е. свыше пятнадцати месяцев, М. Пэрри и А. Лорд со своими помощниками собрали «более 12 500 текстов, большую часть которых составили песни, записанные на бумаге, но наряду с ними было и много фонографических записей, занявших 3 500 двенадцатидюймовых алюминиевых дисков» [Там же, с. 17]. Как пишет сам А. Лорд, наблюдения за живой эпической традицией и некоторые материалы легли в основу сначала его докторской диссертации (1949), а затем переросли в книгу «Сказитель» (1959), которую он подготовил уже без трагически погибшего М. Пэрри, но согласно его исследовательской программе [Там же, с. 52].

Значение этого труда для сибиреведения трудно переоценить. Глубокие научные выводы и наблюдения об устной традиции, исполнительстве, эпической теме и формулах югославского героического эпоса М. Пэрри – А. Лорда очень близки к сказительской традиции народов Сибири, сохранявших до наших дней ее живое

бытование, и в полном объеме могут быть использованы в эпосоведческих исследованиях. Поэтому для подтверждения своих отдельных наблюдений, изложенных в этой статье, мы не раз будем прибегать к теории М. Пэрри – А. Лорда.

В нашем исследовании внутренней структуры сибирских героических сказаний, как мы заметили выше, формулы становятся основой для образования типических или «общих» мест, иначе называемых еще стереотипами эпоса, в которых содержатся основные, очень важные для сказителей мысли, выражающие, по сути, общенародные идеи, сформировавшиеся в пору сложения героического эпоса.

Героический эпос, являясь высшим поэтическим достижением, основанным на устойчивой традиции, которая обеспечила эпосу жизнестойкость, сохранность и стабильность во времени, образует ядро, представляющее наибольшую духовную ценность для этнической общности, создавшей и сберегшей на протяжении многих поколений традиции эпосотворчества.

Культура любого народа, считает Н. В. Исакова, имеет мощную природную базу, которая складывается в процессе взаимодействия человека с определенной природной средой. «Система ценностей этнической общности формировалась в течение многих столетий, проходила длительный путь отбора и отбраковки ненужного. В социальной памяти народа закрепилось общезначимое, целесообразное, оптимальное. Этот отбор целесообразного опыта происходил не только путем социального наследования – преемственности поколений, но и осуществлялся на биологическом уровне – через накопление благоприобретенных в процессе проживания в конкретной природной среде признаков» [Исакова, 2001, с. 103].

Развивая далее эту мысль, можно сказать, что наработанный адаптивный опыт, несомненно, отразился и в духовной сфере каждого народа, и, прежде всего, в произведениях устного поэтического слова, которые наиболее отзывчивы на все происходящие значительные события в жизни этноса. И только то, что действительно отвечало запросам людей, соответствовало всем условиям жизни народа, сохранялось и передавалось следующим поколениям, превращаясь тем самым в этнический культурный опыт.

В богатырских сказаниях сибирских народов главный действующий персонаж изображается как идеальный герой, образец для подражания, объект восхищения и воспевания. Все поступки и действия положительных персонажей эпоса направлены на реализацию основных идей произведений – создание семьи, защиту рода и родовой территории, борьбу со злом в любом проявлении, установление мира и равновесия в Среднем мире, где проживают эпические герои. Эти идеи составляют генеральную линию эпоса сибирских народов, воплощение которых реализуется в сложных сюжетных коллизиях произведений. Поэтому все предпринимаемые шаги и решения героев сказаний, связанные с достижением этих конечных целей, воспринимаются народом как норма.

Главные мысли эпоса сформулированы в выразительных поэтических фразах, отточенных временем и мастерством сказителей. Они превратились в клише, поэтические обороты, которые наиболее точно соответствуют созданию той или иной картины. Очень интересными, на наш взгляд, являются акценты, четко расставленные в сибирском эпосе. В структуре героических сказаний есть описания, посвященные изображению окружающего мира и среды богатыря. Эти описания, определенные нами как типические места, проиндексированы следующим образом: раздел I. «Эпический мир» содержит подразделы 1–8. Из них в разделах 2. «Земля богатырей и их противников» и 8. «Разорение земли и владений богатыря» заключен архаический мотив родной земли, тесно связанный с мотивом защиты земли.

Этот архетип получил в сказаниях свое устойчивое художественное воплощение в сочетании с понятиями *своя земля* и *чужая сторона*. Надо отметить, что

возникновение дихотомии «свой – чужой» уходит в глубину веков. История ее происхождения и эволюции связана с принципами «организации дочеловеческого, животного мира» [Степанов, 1997, с. 477]. Многие ученые обращали внимание на эту дихотомическую оппозицию в связи с изучением этнической концепции. Ю. С. Степанов исчерпывающе изложил позиции Л. Н. Гумилёва, Конрада Лоренца, Э. Бенвениста и собственные выводы относительно этимологии концепта «свой – чужие» [Степанов, 1997]. Он, как и все предыдущие исследователи, считает, что противопоставление «свой – чужие» «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Там же, с. 472].

В героическом эпосе это мироощущение своего и чужого оформилось в «общее место» («*loci communes*») и стало стереотипом, активно используемым всеми сказителями. В нашем Указателе это место обозначено как I.2. Земля богатырей и их противников [Кузьмина, 2005, с. 8]. Описания содержат картины, увиденные глазами богатыря, отправившегося в далекий путь, его чувства от покидаемой им родной земли и народа и восприятие чужой стороны и чужого люда.

Любовь к родной земле и соблюдение ее границ у богатырей эпоса предельно обострены. В восприятии *алтайского* богатыря его земля – это *злато-серебряный Алтай*, прекрасные реки с девяносто протоками, горы подобны радуге («Очи-Бала»), земля же враждебного хана – это голая железная степь, железный тополь без коры, горы и реки черные («Маадай-Кара») [Кузьмина, 2005, алт. I.2.1, I.2.2, I.3.5]. Богатырь *бурятского* эпоса видит свою просторную землю, где привольно и лосям, и изюбрам, и соболям («Осоодор Мэргэн») [Там же, бур. I.2.7]. В богатырской поездке герой всегда ощущает, насколько чужая земля холодная, сильная, жестокая и неприветливая: *Трава на чужой земле, / На другую сторону склонившись, / Пожелтевшая виднеется. / Трава на своей земле / В эту сторону склонившись, / Зеленая виднеется* [Там же, бур. I.2.3]¹.

Инаковость чужой стороны, ее чуждость ощущается и *хакасскими* богатырями, они видят *край с иной землей, реку с иной водой* («Алтын Арыг») [Там же, хак. I.2.11]. Интересно, что только в хакасском эпосе упоминается *народ с иным обликом* («Ай-Хуучин») [Там же, хак. I.2.9, 10], т. е. богатырь, попадая в чужую землю, видит людей, которые, видимо, другие по виду и одежде. Приходится только догадываться, что они не такие, как привычный богатырю его родной народ. Уточняющих описаний в эпосе нет, просто это люди чужие для героя. Свой народ в хакасском эпосе наделяется эпитетами: *бесчисленный, красивый, прекрасноголазый* («Алтын-Арыг») [Там же, хак. I.3.3, 14–16]. Кроме этих эпитетов, эпос не дает других признаков идентификации. У *шорцев* на своей земле *золотые горы с семьюдесятью перевалами, растущие деревья – чистое золото, растущие травы – чистый шелк* [Там же, шор. I.2.6]. Образно описывается в *якутском* эпосе родная земля, *где деревья, сваливаясь, не редуют, вода, испаряясь, не убывает, ежедневно восходит белое солнце, ежедневно сияет светлая луна* [Там же, як. I.2.4] в то время как чужая земля *сумеречная, подобна ненаваристой жидкой ухе, где луна и солнце щербатые* [Там же, як. I.2.5].

Итак, свойство фольклора давать однозначную оценку изображаемому (положительное – отрицательное, доброе – злое) проявляется и в оппозиции «свое – чужое». Во всем сибирском эпосе земля богатырей – это своя земля, она цветущая, изобильная, стада на ней тучные, народ радостный, счастливый. В описании земли их антиподов сказители единодушно прибегают к лаконичному изображению, без подробностей. Эпитеты чаще содержат отрицательную коннотацию. «Общие места» героического эпоса народов Сибири, содержащие категорию

---

¹ Список использованных языков: **алт.** – алтайский; **бур.** – бурятский; **хак.** – хакасский; **шор.** – шорский; **як.** – якутский.

«свой – чужой», включают в себя базовый, универсальный, устойчивый и четко различимый культурный архетип *родная земля*.

Профессор Амстердамского университета Т. ван Дейк, рассматривая «этнические модели ситуаций», пишет, что для них «характерно наличие особого, отличающего только эти модели структурного параметра – оппозиции “мы – они” [или “свой – чужой”]» [Ван Дейк, 1989, с. 183].

Оппозиция «свой – чужой» получила, – как пишет А. Б. Пеньковский, – «широкое и многостороннее отражение в мифологии, в ритуалах и обрядах, в народном искусстве, фольклоре и литературе у разных народов» [Пеньковский, 2004, с. 13]. Детально рассмотрев семантическую категорию чуждости в русском языке, он пришел к выводу о том, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое». Типичной является также интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции «хороший – плохой», с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [Пеньковский, 2004, с. 13].

Интересно развертывание в героическом эпосе темы личной сферы человека как социально-антропологического и языкового феномена. В связи с этим возникает закономерный интерес к теории Л. Леви-Брюля о пра-логическом мышлении и введенному им понятию *партиципации*, т. е. сопричастности, к которому и обратился И. Е. Ким, рассматривая вопрос личной сферы человека. Он считает, что в большинстве трудов лингвокультурологов понятия «свое – чужое» относятся к «сложной прагматической категории, реализованной в текстовых структурах, хотя и связанных со словоупотреблением» [Ким, 2009, с. 29–37].

Эпический мир – это своеобразный мир героев, богатырей, их помощников и антигероев, населенный зоо-антропоморфными персонажами, это мир замкнутый, в котором богатыри борются за продолжение рода, искореняют зло. Как пишет Л. Леви-Брюль, «в этом замкнутом мире, который имеет свою причинность, свое время, несколько отличные от наших, члены общества чувствуют себя связанными с другими существами или совокупностями существ, видимых и невидимых, которые живут с ними» [Леви-Брюль, 1994, с. 346].

Пра-логический характер первобытного мышления, о котором говорит Л. Леви-Брюль, оставил свой едва заметный след в сибирском эпосе. Черты партиципации можно увидеть в изображении пространства в эпическом мире, которое можно охарактеризовать словами Л. Леви-Брюля: «Пространство скорее чувствуется, чем осознается: направления его обременены качествами и свойствами. Каждая часть пространства сопричастна всему, что в ней обычно находится. Представление о времени, которое носит главным образом качественный характер, остается смутным...» [Там же, с. 345] Иллюстрацией этого положения Л. Леви-Брюля могут стать типические места сибирских сказаний, особенно те, которые содержат в своем сюжете архаические мотивы. Так, в «общем месте» П.А.7а пространство и время возникают в связи с богатырской ездой главного героя, причем эти категории выступают в тесном единстве. Алтайский эпос описывает следующим образом: *Шестьдесят гор переваливает, / Многие земли проезжает – / Семьдесят гор переваливает. / Конь под ним месячный путь / За полдня проходит, / Драгоценный конь годичный путь / За сутки проходит* [Кузьмина, 2005, алт. П.А.7а.2]. И далее: *Лето настало – / По плечам узнавая, едет. / Зима настала – По вороту узнавая, едет* [Там же, алт. П.А.7а.15]. В бурятском эпосе в западной стороне обычно живут злые чудовища-мангадхай или хан чужеземной страны. В эпосе дается образное описание дальности этой земли: *Не долетит туда / Даже громадная птица тураг, / Не добежит туда / И быстроногий скакун* [Там же,

бур. II.A.7a.2]. Описание продолжительности времени аналогично алтайскому описанию: *По стрекоту пестрой сороки / Узнавал, что [наступила] зима, / По пению золотого соловья / Узнавал, что [наступило] лето* [Кузьмина, 2005, бур. II.A.7a.11]. Наряду с таким описанием есть типические места, свидетельствующие о более позднем исчислении времени и пространства: *Чтобы сражаться с мангадхаем / Расстояние восьмидесяти суток / За восемь суток проходит, – / Расстояние восьми суток / За восемь часов проходит* [Там же, бур. II.A.7a.5].

В сибирском эпосе, в котором явственно обнаруживаются древние воззрения, богатырь уже в зачине сказаний предстает одиноким. Такой он в якутском эпосе, в котором бытует в неоднократных вариантах сказание «Эр Соготох» («Муж Одинокий»), названное по имени богатыря. В эпосе бурят и алтайцев богатырь связывает свое происхождение с природными объектами. Так в *алтайском* сказании «Маадай-Кара» богатырь *Ай алтына арта туйшкен / Ала тайга адам деген, / Күн алтына томро туйшкен / Күрен тайга энем деген* ‘Под луной дугой протянувшуюся / Пегую гору отцом называет, / Под солнцем [вдоль долины] стоящую / Бурую гору матерью называет’ [Там же, алт. II.A.1.1]. *Бурятский* богатырь *Бад хара тайгаараа / Баабай хээни түрөө, / Батамай хара хушаараа / Иибии агжи түрөө* ‘Великую черную тайгу / Отцом считая, родился, / Могучий черный кедровник / Матерью называя, родился’ [Там же, бур. II.A.1.2]. *Хакасский* эпос в своем популярном сказании «Ай-Хуучин» говорит о рождении своей героини у лошадей: *Ала хула асхыр адальгзар, / Ала хула ниш ичелигзер* ‘Пего-саврасый жеребец – твой отец, / Пего-саврасая кобылица – твоя мать’ [Там же, хак. II.A.2.1]. Известно *долганское* сказание, в котором богатырь Аталамии также рожден лошадей [Фольклор долган, 2000, с. 50–51, бл. 4].

Как видим, здесь мифологическое мышление не вычленяет человека из природы, он очень тесно связан с ней, и нет никаких противоречий в том, что человек как высшее живое существо ведет свое начало из горы, деревьев, животных. Но все же, несмотря на такую слитность с природой, эпический герой четко осознает границы своего местопребывания, наличие своего личного скота, охотничьих угодьев, местонахождение своих подданных, живущих «на северной» и «южной» сторонах, богатство и теплоту своего края. Здесь уместно привести слова Ю. М. Лотмана, известного литературоведа, одного из разработчиков структурно-семиотического метода изучения литературы и культуры, который считал, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям» [Лотман, 1996, с. 175].

Небезынтересно отражение пищевого кода в таком «общем месте», как богатырская еда [Кузьмина, 2005, II.A.13]. В описаниях называется еда как «лучшие из лучших яства, крепкие из крепких напитки» [Там же, алт. II.A.13a.5, 6 и т. д.] или «вкусная, сытная пища, вкусные-сладкие яства» [Там же, алт. II.A.13a.10, 11 и т. д.] без уточнения, что собой представляет такая пища. Наряду с этим упоминается мясо змей и лягушек, суп из вшей и гнид [Там же, алт. II.A.13a.2], жирное конское мясо с жирным бульоном [Там же, алт. II.A.13a.3], алкогольные напитки кородьон, арадьан, арака [Там же, алт. II.A.13a.4, 14]. Экзотические для современного человека блюда, упоминаемые в эпосе, это прежде всего дань поэтике, которая допускает в сказаниях и гиперболу, и гротеск, и подчеркивание необычности происходящего, и, в конечном счете, художественный вымысел. Но при этом, зная исторический контекст изображаемого, можно допустить, что эпос сохранил реликтовые особенности пищевых пристрастий людей, возможно подмеченных когда-то и у кого-то (ср., например, кулинарные шедевры у современных китайцев, кухня которых включает блюда из лягушек, змей и насекомых).

Особого внимания заслуживают сцены поединков богатырей и их противников, которые составляют основное содержание эпоса. В них детально описываются начало поединка, вооружение, обращение воинов с оружием, произнесение заклинаний над луком и стрелами, физическое состояние вступивших в борьбу, реакция окружающего мира на битву богатырей, расправа с противником. Занимая центральное место в сюжете, эти описания предельно разработаны, каждый элемент в этих стереотипах продуман, описание предметов и картин боя соответствует реалиям.

С. Н. Азбелев, посвятивший ряд работ историзму былин, писал, что «героический эпос требует исследования в ином качестве – том, какое составляло его общественную функцию, ясно осознававшуюся исполнителями и слушателями былин: надо изучать их как сокровищницу народной исторической памяти» [Азбелев, 1982, с. 17]. При этом следует учитывать закономерности эпического творчества, которые обусловлены спецификой фольклора. Развиваясь на протяжении длительного времени, сюжеты и мотивы произведений героического эпоса, особенно претендующие на определенный историзм, наслаивались друг на друга, образуя весьма замысловатые сюжетные коллизии. «Былинный историзм, – отмечал С. Н. Азбелев, – лучше может быть уяснен, если в достаточной мере соотнести объекты изучения как с самой этой историей, так и с главными особенностями фольклорного творческого процесса» [Там же, с. 17]. Это сказано в отношении русских былин, по стадийной классификации отнесенных к уже позднему государственному эпосу, в котором исторические события и реальные личности нашли свое художественное отражение. Порой эти события, о которых повествуется в былинах, происходили в разные исторические периоды, весьма удаленные друг от друга, но тем не менее они нашли отражение в одном сюжете. В отношении сибирского фольклора трудно говорить о непосредственном отражении исторических фактов, здесь очень сильно влияние мифологического контекста. И тем интереснее проследить отражение в сказаниях этого мифологического слоя и тех архетипических мотивов, которые законсервировались в стереотипах эпоса как наиболее устойчивых элементах эпического стиля.

Список литературы

- Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. 327 с.
- Бердяев Н. А.* Дух и реальность. Москва: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 679 с.
- Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Из лекций А. Н. Веселовского по истории эпоса (Публикация В. М. Гацака) // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 287–319.
- Исакова Н. В.* Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: Изд-во МОУ ГЦРО, 2001.
- Ким И. Е.* Личная сфера человека: структура и языковое воплощение. Красноярск: Изд-во Сибир. федерального ун-та, 2009. 325 с.
- Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с. (Психология: Классические труды).

Лорд А. Б. Сказитель / Подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера, Г. А. Левинтона. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2018. 552 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Фольклор долган / Сост. П. Е. Ефремов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 448 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 19).

E. N. Kuzmina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, kuzmina.evgenia2010@yandex.ru*

**Reflection of archetypal models
in “loci communes” of heroic epics of the peoples of Siberia**

The paper attempts to study the reflection of archetypal models in heroic epos of the peoples of Siberia, which until recently have preserved this unique folklore genre. Due to its sacredness, the epic tradition was sustainable and stable over time. In fact, these are stereotypes that include formula expressions and poetic set phrases. These stylistic means constituted the poetic fund of the narrators of epics, used in the process of narration. In order not to lose the thread of the narrative, performed in front of the listeners, the narrators would use ready-made stereotypes. This fact is described in detail in the formula theory elaborated by Milman Parry and Albert B. Lord, which is fundamental and significant for epic scholars. While being developed and polished in the epic-performing practice, stereotypes became the basis for plotting the tales. Since a stable compositional structure of epic texts and a certain chain of episodes with a known set of motifs was developed, stereotypes became those “building blocks” that were used from legend to legend. In their content, typical phrases reflect the views of their creators, features of many epochs that affect descriptions of the birth of warriors, etiquette, feasts, heroic battles and many other stereotypes of the epic.

Keywords: heroic epics of the peoples of Siberia, the stability of the epic tradition, the stereotypes of the epos, archetypal models and representations.

DOI 10.17223/18137083/67/2

References

Azbelev S. N. *Istorizm bylin i specifika folklor* [Historicism of bylinas and the specificity of folklore]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd., 1982, 327 p.

Berdyyayev N. A. *Dukh i real'nost'* [Spirit and reality]. Moscow, AST, Khar'kov, Folio, 2003, 679 p.

Folklor dolgan [Folklore of Dolgans]. P. E. Efremov (Comp.). Novosibirsk, Inst. of Archeology and Ethnography of the SB RAS Publ., 2000, 448 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 19).

Isakova N. V. *Kul'tura i chelovek v etnicheskom prostranstve: etnokul'turologicheskiy podkhod k issledovaniyu sotsial'nykh protsessov* [Culture and human in the ethnic space. The ethno-culturological approach to the study of social processes]. Novosibirsk, MOU GTSRO Publ., 2001.

Iz lektсий A. N. Veselovskogo po istorii eposa (Publikatsiya V. M. Gatsaka) [From the lectures of A. N. Veselovsky on the history of epos (Publication of V. M. Gatsak)]. In: *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of folk epos]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 287–319.

Kim I. E. *Lichnaya sfera cheloveka: struktura i yazykovoye voploshcheniye* [Personal sphere of a human: the structure and language embodiment]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2009, 325 p.

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperimental'noye izd.* [Index of common places of heroic epos of the peoples of Siberia: Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts. Experimental edition]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 1383 p.

Lévy-Bruhl L. *Sverkh'yestestvennoye v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in the primitive mind]. Moscow, Pedagogika-Press, 1994, 608 p. (Psikhologiya: Klassicheskiye Trudy [Psychology: Classical works]).

Lord Albert Bates. *Skazitel'* [The singer of tales]. Yu. A. Kleyner, G. A. Levinton (Prep. of ed., transl. from English, comm.) 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, European Univ. in St. Petersburg Publ., 2018, 552 p.

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the cogitating univerces. Human – semiosphere – history]. Moscow, LRC Publ. House, 1996, 464 p.

Pen'kovskiy A. B. *Ocherki po russkoy semantikesemantike* [Essays on Russian semantics]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, 464 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar russkoj kultury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. First effort of research]. Moscow, LRC Publ. House, 1997, 824 p.

Van Dijk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya: Per. s angl.* [Language. Cognition. Communication: transl. from English]. V. V. Petrova (Comp.), V. I. Gerasimov (Ed.), Yu. N. Karaulov, V. V. Petrov (Intr. art.). Moscow, Progress, 1989, 312 p.